

Россия и этноконфессиональные общины Месопотамии накануне развала Османской империи

В середине XVII в. Османская империя вступила в период глубокого внутри- и внешнеполитического кризиса. Ее ослабление способствовало подъему национально-освободительного движения балканских народов в большинстве своем православных; активизировались и немусульманские народности, полагавшие ближневосточные территории своей Родиной: они жили здесь веками и настолько интегрировались в жизнь арабского большинства, что некоторые из них (особенно евреи) искренне полагали себя почти арабами и не желали и дальше находиться в подчинённом положении. Однако национальные меньшинства сохранили свои религии, культуры и самобытность, что делало их отличными от титульного этноса. Требования отдельных из них о предоставлении территориальной и политической автономии трактовались последним как чрезмерные и неправомочные. С другой стороны, в XVIII в. в Османской империи усилились политические и экономические позиции Франции и Великобритании, которые, желая сохранить свое влияние и помешать территориальным приобретениям других держав (особенно Австрии и России), выступали за сохранение ее территориальной целостности, а значит – против освобождения покоренных христианских народов.

С середины XVIII в. роль главного противника Османской империи перешла к России. Ее победа в русско-турецкой войне 1768 – 1774 гг. привела к кардинальному изменению ситуации в Черноморском бассейне. По условиям Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г. Россия окончательно утвердилась на северном побережье Черного моря и получила право протектората над христианским населением Османской империи. Резкое ослабление позиций Порты создало условия для выхода России в Средиземное море и ликвидации османского господства на Балканах. На авансцену европейской политики выдвинулся Восточный вопрос – вопрос о судьбе османского наследия и христианских балканских народов: понимая неизбежность распада Османской

империи, крупнейшие европейские государства – Россия, Великобритания, Франция и Австрия – активизировали свое вмешательство в политику Порты.

Борьба европейских держав за позиции на Ближнем Востоке приобрела особо острый характер к середине XIX в., когда Османское государство вступило в новую стадию кризиса и его неизбежный конец стал очевидным фактом. Немаловажную роль в сложных перипетиях международных отношений в ближневосточном вопросе по-прежнему играла Российская империя.

Апеллируя к объявленным Портой реформам, обещавшим улучшение положения христианской части населения империи (неприкосновенность жизни и имущества подданных, независимо от их религиозной принадлежности; устранение злоупотреблений в налоговой системе), но оставшимся на бумаге, и воспользовавшись в 1853 г. конфликтом католического и православного духовенства за контроль над христианскими святынями в Палестине, Николай I потребовал от султана права покровительства над всеми его православными подданными. Когда османские власти при поддержке английской и французской дипломатии отклонили это требование, русские войска оккупировали Дунайские княжества, следствием чего явилась очередная русско – турецкая война (1853 – 1856 гг.), в которую на стороне Османской империи вступили Великобритания, Франция и Сардиния. Поражение России привело к серьезному ослаблению ее позиций в Черноморском бассейне, что, однако, не заставило царское правительство дистанцироваться от вмешательства в политику султана и прекратить действия, направленные на укрепление авторитета России в вилайетах Османской империи.

Целью данной статьи является рассмотрение этноконфессионального аспекта политики Российской империи на Арабском Востоке на примере Месопотамии* в конце XIX – начале XX вв. Её актуальность обусловлена тем, что взаимоотношения между различными этносами и конфессиями в XXI в. являются наиболее проблемными в аспектах безопасности и территориальной целостности, вызывающими наибольшую напряженность в психологии общества. Не случаен, поэтому, интерес научного сообщества к зарождению диалога между российским правительством и населением трёх османских провинций, которые после I

* В переводе с греческого термин Месопотамия означает «Междуречье». В данном случае речь идёт о Багдадском, Басрийском и Мосульском вилайетах Османской империи, которые в рассматриваемый период находились на территории Месопотамии. Вилайет – наиболее крупная административно-территориальная единица Османской империи.

мировой войны сформировали государство Ирак – одно из наиболее поликонфессиональных и полиэтничных государств современности, ситуация вокруг которого сегодня накалена до предела, а её разрешение значительным образом предопределяет этноконфессиональный «климат» в мире.

В соответствии с активизацией в рассматриваемый период политики России на Ближнем Востоке возросла и роль российских консулов в вилайетах Османской империи. Как правило, на эти должности назначались люди энергичные, обладающие обширными знаниями в области культуры и истории Востока и являющиеся искусными дипломатами, поскольку полноценное отправление их функций являлось бы невозможным без всех вышеперечисленных качеств ввиду специфики менталитета местного населения.

Накануне распада Османской империи территория, составляющая современное государство Ирак, являлась домом для арабов, курдов, туркмен, турок, черкесов (так называли мусульман-переселенцев с Кавказа и Балкан), персов, индийцев, луров, евреев, армян, ассирийцев и европейцев. Этнорасовые группы, представленные в Месопотамии, в большинстве своём исповедовали одну из трёх распространённых здесь религий: ислам, христианство и иудаизм. Внутри каждой из конфессий имело место дальнейшее дробление ортодоксальное и неортодоксальное (речь идёт о религиозных ересьях) направления. Деятельность католических религиозных миссий в стране привела к вступлению части христианских общностей в унию с Римской католической церковью. Имелись и последователи реформаторских европейских церквей, а также религиозные маргиналы, выработавшие вероучения, отличные от предлагаемых мировыми религиями. К числу последних принадлежат караимы, езиды и мандеи. Наиболее многочисленной конфессией страны являлась община мусульман-шиитов, рассматривавшая все остальные (особенно немусульманские) как второстепенные¹.

Представители российского консульства в построении своей политики исходили из того факта, что со времён халифа Усмана (644 – 656) ощущение национальной идентичности у населения Ближнего Востока было подменено религиозным самосознанием², то есть каждый индивид ощущал себя прежде всего членом той или иной религиозной общины и лишь потом – представителем определённой этнической общности. Арабу-сунниту, например, проще было найти общий язык с единоверцем-курдом, нежели с арабом-христианином, а степень отчуждённости между адептами различных церквей внутри одной

конфессии была не меньшей, чем между мусульманами и немусульманами в целом.

Залогом сохранения подобного положения вещей являлась система миллетов^{*}, заимствованная турками-османами от арабских халифатов³. Суть её сводилась к тому, что Порты даровала немусульманским меньшинствам право самоуправления в рамках культурно-религиозной автономии иноверческой общины при условии признания последней верховной власти султана и уплаты подушной подати. Суверенитет миллета имел экстратерриториальный характер, то есть распространялся на религиозные общности независимо от места проживания их приверженцев. В вопросах же экономической и политической жизни, при возникновении межконфессиональных споров решающее слово принадлежало османским властям. Именно система миллетов обеспечивала мирное сосуществование народов и конфессий в рамках Османской империи. И хотя она не исключала рецидивов этноконфессиональной розни и открытого вмешательства государства в дела этноконфессиональных меньшинств, вплоть до конца XIX в. она была действенным инструментом, позволяющим сглаживать противоречия как между титульной конфессией и иноверцами, так и государством и немусульманской частью подданных султана

Необходимость существования института миллетов объяснялась тем, что на Востоке религия является фундаментальной составляющей социально-культурной характеристики общества. Она охватывает там все стороны жизни человека и пронизывает всё его бытие, поскольку соблюдение традиционных обычаев и ритуалов на официальном и народном уровнях составляет неотъемлемую часть повседневной жизни⁴. При этом религиям ближневосточного региона (прежде всего исламу, христианству и иудаизму) свойственен религиозцентризм, основанный на вере в абсолютную истинность своих представлений о мире, поэтому система миллетов просто необходима для их мирного сосуществования. В условиях Месопотамии религия стала этнообразующим фактором, что привело к возникновению этнических структур, которые принято называть этноконфессиональными общинами⁵.

Каждая из держав, борющихся за влияние на арабском Востоке, стремилась привлечь как можно большее число разнообразных этноконфессиональных общностей на свою сторону. Одним из самых действенных механизмов этой

* Миллет (от арабского «милла» – народ, религиозная общность людей, исповедующих одно религиозное учение) – автономная религиозная община.

борьбы явилась миссионерская деятельность. Религиозные миссии (в том числе и русские), имели своей целью не столько привлечение новых прозелитов в пропагандируемые ими церкви, сколько являлись проводниками влияния представляемых ими держав. Для более полной реализации собственных целей, миссионеры широко использовали широкую гамму методов вербовки: от предоставления всевозможных благ и подкупа до натравливания мусульман на христианские конфессии. Зачастую представителям христианских общностей не оставалось ничего иного, как искать помощи у тех же миссионеров. Таким образом, официальная деятельность миссионерских организаций, направленная на увеличение числа приверженцев той или иной церкви приобретала сугубо политическое звучание. Кроме того, ожесточённая борьба за прозелитов создавала благоприятную обстановку для вмешательства европейских держав в отношения между различными религиозными общинами и Портой.

Под давлением европейских держав на Берлинском конгрессе в международную практику был введён принцип коллективного вмешательства держав в политику османских властей, касающуюся положения христианского населения империи. С тех пор, как проблема христианских общин стала составной частью внешней политики европейских государств в отношении Османской империи, эти общины оказались в положении, при котором их государство постоянно находилось под прессингом их единоверцев (христианско-католического мира и России). Это способствовало усилению подозрительности уммы мусульман по отношению к христианам, ибо всякий раз во время беспрестанных войн империи с европейскими державами вставал вопрос о том, кому верны христиане: своему государству или своим братьям во Христе. В этой связи последователей ислама особенно волновал рост численности приверженцев православной, католической и протестантской церквей, так как они понимали, что он обусловлен не догматическими соображениями, а стремлением христиан получить поддержку и защиту западноевропейских держав. Отношение мусульман к этой проблеме чётко охарактеризовало в беседе с российским консулом в Мосуле Карцовым пожелавшее сохранить инкогнито мусульманское духовное лицо: «Наших христиан можно сравнить с бедной красивой девушкой. Она любит наряды и отдаёт себя за деньги, но её сердце не принадлежит никому. Так и здешние христиане. Они попеременно униаты, протестанты..., но втайне продолжают держаться веры своих отцов и при первом случае с радостью снова обратятся к ней»⁶. В свою очередь, для христиан всегда непростой оставалась

проблема идентификации себя с государством, в котором чуждая им религия являлась государственной.

Исходя из сложившегося положения вещей, российские дипломатические представители, обосновавшиеся в Багдаде, Басре и Мосуле, тщательное внимание уделяли изучению этноконфессиональной структуры населения. Так, российские консулы Карцов (в Мосуле), Тухолка (в Басре) и Орлов (в Багдаде) составляли подробнейшие отчёты, посвящённые различным этноконфессиональным общинам Месопотамии, в которых они не только характеризовали догматику исповедуемых ими религиозных учений, но и анализировали особенности их сосуществования и их статус среди месопотамского населения, рассматривали возможность пропаганды в них русофильских настроений⁷. По сути, консульские служащие являлись разведчиками, изучающими Месопотамию в стратегическом и военно-статистическом отношении. Данная установка требовала от них активного образа жизни: они беспрестанно перемещались по территории, на которую распространялась их юрисдикция и пытались наладить контакт с представителями различных этноконфессиональных общностей. Значительную помощь в деле изучения устремлений местного населения консульствам оказывали российские офицеры, прошедшие специальную подготовку и под видом учёных откомандированные царским правительством в Междуречье⁸. Особое внимание привлекает более чем двухсотстраничный отчёт офицера генштаба Закавказского военного округа Б. И. Шелковникова, который под видом почётного члена Института археологии и члена королевского географического общества совершал «приватную поездку по региону в научных целях». Штабиста интересовала железная дорога Берлин-Босфор-Багдад, проходившая в тылу района дислокации VI турецкого корпусного округа (Багдадский, Мосульский и Басрийский вилайеты). Однако попутно он весьма тщательно изучил особенности экономического, политического и социального развития Месопотамии, топографические особенности её территории и самые крупные нефтяные источники. Широкое освещение в отчёте получила этноконфессиональная структура населения страны, особенности её социальной организации⁹. Значительный интерес представляет и «Этнографический и военно-политический обзор азиатских владений Османской империи», составленный генерал-майором Аверьяновым¹⁰. В его части, касающейся месопотамских вилайетов империи, автор описывает их этноконфессиональные общины, характеризует особенности их сосуществования и политические ориентиры.

В рассматриваемый период Россия, в том числе и благодаря своей миссионерской деятельности, имела довольно прочные позиции в среде армянской части населения Месопотамии. Часть элиты армянских общин всех религиозных толков надеялась, что Россия, заинтересованная в «армянском вопросе»^{*} поможет освободить Западную (Турецкую) Армению от османского владычества и создать там независимое армянское государство, в котором все армяне Османской империи смогли бы обрести подлинную свободу, не ограниченную рамками миллета. «Озабоченность» же царского правительства судьбой турецких армян в целом, и месопотамских, в частности, была тесно связана с теми стремлениями и чаяниями, которые питала в отношении Западной Армении русские торговые круги, полагавшее завоевание всей Малой Азии (вместе с Киликией и Северной Месопотамией) одной из основных целей русской политики в Османской империи, и апеллировавшей не столько к стратегическим преимуществам обладания данными территориями, сколько к их экономической перспективности.

В борьбе за преданность месопотамских армян, Россия имела сильного противника в лице Великобритании, которая постепенно всё больше упрочняла свои позиции в армянской торговой среде. Российских дипломатических представителей в Месопотамии весьма волновали успехи «латинской» пропаганды, наносившие серьёзный удар по позициям православия¹¹, а значит и подрывавшей влияние России на христианские общины Багдадского, Басрийского и Мосульского вилайетов. Карцов в своём донесении консулу в Константинополе Зиновьеву указывал по этому поводу: «Борьба древнего христианства с католичеством – борьба неравная. Католики превосходят своих противников и умственным развитием и богатством»¹².

* Османские власти крайне настороженно относились к армянской общине империи в силу её высокого интеллектуального и образовательного уровня, материальной обеспеченности и наличия устойчивых экономических и духовных связей с Европой. Многие Османские правители были вынуждены обращаться за помощью к армянским советникам и назначали армян на значимые административные должности, что усиливало антагонизм мусульманской и армяно-христианской общин. В конце XIX в. этот антагонизм перерос в так называемый «армянский вопрос», представлявший по своей сути проблему выживания армянского населения империи в условиях тотального геноцида. В тоже время, «армянский вопрос» превратился в один из важнейших механизмов усиления европейского влияния на политику Порты. Декларируя стремление защитить армян от преследований мусульман, европейские державы, равно как и Россия, на деле стремились лишь упрочить собственные позиции на Ближнем Востоке.

Ввиду того, что российские миссионерские организации не смогли справиться с напором католических миссий, консульское ведомство России делало ставку не только на христианские этноконфессиональные общины страны, но и на мусульман шиитского толка. Этот выбор был вполне обоснованным, так как ежегодно тысячи русскоподданных мусульман, оказавшихся на территории Российской империи после присоединения к ней Закавказья и Средней Азии, совершали паломничество к шиитским святыням Месопотамии. Основная их масса шла из Бакинской, Елизаветинской, Эриванской, Карской, Тифлисской губерний, Самаркандской и Ферганской областей Туркестанского края и Бухары¹³.

Не все из прибывших на поклонение русскоподданных возвращались на Родину. Точная статистика численности осевших на постоянное жительство в Месопотамии выходцев из Российской империи никогда не велась, так как не все из них имели российские паспорта. Многие из русскоподданных не хотели их получать, вследствие нежелания выплачивать соответствующие подати в российскую казну. По данным российского консула в Багдаде А. Орлова в Багдадском вилайете проживало 158 семей русскоподданных, включающих 539 мужских и женских душ¹⁴. Их численность в других вилайетах неизвестна.

Значительная часть русскоподданных оседала в святых шиитских городах под предлогом получения образования в духовных заведениях шиитов¹⁵. Однако, после его завершения, они, как правило, не возвращались домой. Некоторые выходцы из российского Закавказья стали видными улемами. К их числу относится живший в Неджефе Мирза Рахим Баткуби¹⁶. Основной же поток переселенцев - русскоподданных инкорпорировался в торговлю и ремесло. В ряду наиболее известных торговцев, имевших российские корни, стояли Сейд Хасан Сейд Хусейн Оглы, Абдул Джамил Бин Мирза Джевад, Казим Неджеф Кули Оглы Ширвани, Шейх Джевад Бин Мулла Мамед, Григорий Тигранович Кистостуров, Хаджи Абдуль Джебар Бин Абдул¹⁷.

Положение поселившихся в Месопотамии русскоподданных шиитов мало чем отличалось от положения шиитского большинства страны. Протекция, оказываемая им российскими консулами, не спасала от притеснения суннитских властей: с одной стороны суннитские власти империи мало заботились об интересах шиитов¹⁸, с другой же стороны – российские консульские служащие тщательно следили, чтобы те лица, в защиту которых они выступают, действительно являлись русскоподданными¹⁹. Российский консул в Багдаде,

писал по этому поводу в 1910 г.: «Выступать в защиту каждого, выдающего себя без всяких веских доказательств за русскоподданного, рискуя при этом, войти в конфликт с местными властями, представляется совершенно нежелательным»²⁰. К тому же, Порта не без основания полагала, что шииты из Российской империи в большинстве своём, являются негласными российскими консульскими агентами. Особенно пристально в этой связи полиция наблюдала за купеческой частью русскоподданных. Представители российских консульств знали о подозрениях властей. Так, описывая положение русскоподданного в Неджефе Абуль Касима Рахманова в своём отчёте Н. В. Чарыкову секретарь генконсульства в Багдаде указывал, что «бытие его агентом российского генконсульства, хотя бы даже и негласным ни для кого секрета не представляет»²¹. Как правило, все наиболее значимые консульские агенты действительно вербовались в торговой среде, как обладавшие наибольшей социальной подвижностью. К их числу относились в Казимейне – Мехди Кули, в Кербеле Аббас Ага Алиев²².

Деятельность негласных российских консульских агентов имела определённый эффект: благодаря ей российское правительство не только получало информацию о настроениях населения Месопотамии, но и возвращало русофилов. Так, согласно донесениям консульств, значительное число черкесских семей (часть из которых исповедовала суннизм) подало прошения о переселении их в Россию²³. Несмотря на то, что целью деятельности негласных агентов и консульских представителей было не переселение мусульман, а использование их в собственных интересах на местах, подобные прошения всё же свидетельствуют о том, что часть мусульман страны с пиететом относилась к обещаниям царского правительства.

Что касается еврейско-иудейской общины Междуречья, то российским консульским представителям не удалось добиться сколь-нибудь значительного влияния в её среде, поскольку евреи были связаны слишком тесными экономическими узами с Великобританией, а потому солидаризировались с британскими политическими устремлениями.

Остальные этноконфессиональные общины были представлены незначительным числом последователей, и нам не удалось обнаружить в отчётах российских консулов и разведчиков даже упоминаний о попытках привлечь их в ряды русофилов.

Таким образом, отчёты, донесения и письма российских консулов, консульских агентов и разведчиков в Месопотамии однозначно свидетельствуют

о том, что представители российского дипломатического ведомства весьма серьёзно относились к этноконфессиональным различиям в среде населения Междуречья, понимая, что именно они являются определяющим моментом в построении всей российской политики в данном регионе.

¹ Баранова Е.В. Место этноконфессиональных общин Ирака в социальной структуре населения накануне установления британского мандата // Всеобщая история. Современные исследования. Вып. 13. Брянск, 2004. С. 157 – 158.

² Ранчинский В.П. Сирия в начале XX в.: этноконфессиональные общины и проблема национального единства. Брянск, 2004. С. 33.

³ Иванов Н.А. Система миллетов в арабских странах XVI – XVII вв. // Восток. 1992. № 6. С. 29.

⁴ АВПРИ. Ф. Консульство в Мосуле. Оп. 762. Д. 7. Л. 37.

⁵ Баранова Е.В. Указ соч. С. 158.

⁶ АВПРИ. Ф. Консульство в Мосуле. Оп. 762. Д. 7. Л. 40.

⁷ См.: Там же. Д.1. Л. 1 – 38; Ф. Турецкий стол. Оп. 502/2. Д. 169. Л. 1 – 10.

⁸ См.: Там же. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2947. Л. 1 – 15.

⁹ Шелковников Б.И. Войска и район VI турецкого корпусного округа (Багдадский, Мосульский и Бассорский вилайеты). Отчёт о командировке в Месопотамию в 1902 - 1903 гг. Т. I. Ч. I, III. - Тифлис: Типография штаба кавказского военного округа, 1904. С. 23.

¹⁰ Аверьянов Этнографический и военно-политический обзор азиатских владений Османской империи. СПб, 1912.

¹¹ См.: АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 3451. Л. 64; Ф. Консульство в Мосуле. Оп. 762. Д. 7. Л. 26; Д. 9, Л. 9.

¹² Там же. Ф. Консульство в Мосуле. Оп. 762. Д. 7. Л. 27.

¹³ Баранова Е. В. Русскоподданные в Месопотамии на рубеже XIX – XX вв. // Вестник Брянского государственного университета. Ч. 2. Брянск, 2004. С. 61.

¹⁴ АВПРИ. Ф. Генконсульство в Багдаде. Оп. 912. Д. 20. Л. 2.

¹⁵ Там же. Д. 22. Л. 511.

¹⁶ Там же. Д. 34. Л. 48.

¹⁷ Там же. Д. 17. Л. 25, 265; Д. 18. Л. 64; Д. 20. Л. 165; Консульство в Бассоре. Оп. 1. Д. 12. Л. 35, 116.

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 85 (Г.К. Орджоникидзе). Оп. С/Турция. Д. 41. Л. 3.

¹⁹ АВПРИ. Ф. Генконсульство в Багдаде. Оп. 912. Д. 22. Л. 521.

²⁰ Там же. Д. 34. Л. 19.

²¹ Там же. Д. 18. Л. 3.

²² Там же. Л. 31, 64.

²³ Там же. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 4312. Л. 11, 17, 18.